

ОБЩЕСТВО И ПОЛИТИКА SOCIETY AND POLITICS

научная статья / research article

УДК: 93/94

EDN: [GZXCSE](#)

DOI: 10.48612/rg/RGW.28.4.11

Научная специальность ВАК:

5.6.1. Отечественная история

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-NC 4.0\)](#)
This work is licensed under [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-NC 4.0\)](#)

Пригороды Ленинграда как место бегства в 1920–1930-е гг.

Сидорчук Илья Викторович

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Санкт-Петербург, Россия

✉ chubber@yandex.ru

Аннотация.

Введение. Антиурбанизм индустриального общества, распространение представлений о гигиене, пользе отдыха на лоне природы и целый ряд других факторов привели к активному освоению загородного пространства. Прекрасным примером в данном случае являлся дореволюционный Петербург, окруженный дачами, императорскими резиденциями и курортами. Советский период внес свои коррективы в этот процесс, трансформируя пригородную повседневность и мотивацию тех, кто стремился покинуть город. В работе сделана попытка рассмотреть раннесоветские пригороды как места бегства, воспринимаемые выгодной альтернативой как крупному городу, так и деревне.

Методы и материалы. Тематика работы предполагает обращение к методам, характерным для историко-антропологических исследований, стремящихся услышать голос «маленького» человека, подчас безымянного свидетеля и жертвы масштабных исторических процессов. Для этого, в частности, использовались установки новой культурной истории с ее вниманием к интерпретациям и символическому, а также социально-философской теории практик, актуальной при изучении истории повседневности. Основными источниками выступили эго-документы и художественная литература, позволяющие получить яркие образные свидетельства. Помимо этого, привлекались архивные материалы делопроизводственного характера, публицистика и данные периодической печати.

Результаты. Выявлены наиболее релевантные причины привлекательности пригородов в качестве постоянного или временного места жительства. Определены категории населения, среди представителей которых они были востребованы. Продемонстрировано влияние происходивших политических процессов – коллективизации, преследования «бывших», популяризации физической культуры и др.

Заключение. С дореволюционных времен загородная жизнь воспринималась как желательное спасение от вреда, порока и многолюдности городов, место здорового отдыха и развлечений, творческого труда. Это успешно перешло в советскую эпоху, когда досуг на

свежем воздухе последовательно популяризировался, особенно среди рабочих. Одновременно новые условия сделали это пространство, своеобразную буферную зону между городом и деревней, привлекательным для желавших скрыться от коллективизации, паспортизации или религиозных преследований. Еще один важный фактор – эскапизм тех, кто не торопился принимать новые постреволюционные реалии, ведь именно увядающие пригороды бывшей императорской столицы могли дать иллюзию возврата в прошлое.

Ключевые слова: история повседневности; пригороды Ленинграда; история пригородов; Петергоф; Царское Село; Павловск; эскапизм

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-20042, <https://rscf.ru/project/25-28-20042/> и гранта Санкт-Петербургского научного фонда, проект № 25-28-20042.

Для цитирования: Сидорчук И.В. Пригороды Ленинграда как место бегства в 1920–1930-е гг. // Россия в глобальном мире. Т. 28. Вып. 4. С. 180–192. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.28.4.11>. EDN: GZXCSE.

© Сидорчук И.В., 2025. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

The Suburbs of Leningrad as a Place of Escape in the 1920s and 1930s

Ilia V. Sidorchuk

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
 chubber@yandex.ru

Abstract

Introduction. The anti-urbanism of industrial society, the spread of ideas about hygiene, the benefits of outdoor recreation and a number of other factors led to the active development of suburban space. An excellent example in this case was pre-revolutionary St. Petersburg, surrounded by dachas, imperial residences and resorts. The Soviet period made its own adjustments to this process, transforming suburban daily life and the motivation of those who sought to leave the city. The paper attempts to consider early Soviet suburbs as places of escape, perceived as a profitable alternative to both a large city and a village.

Methods and materials. The subject of the work involves the use of methods typical for historical anthropology research, seeking to hear the voice of a “small” person, sometimes an unnamed witness and victim of large-scale historical processes. For this purpose, in particular, the installations of the new cultural history with its attention to interpretation and symbolic, as well as the socio-philosophical theory of practices, relevant in the study of the history of everyday life, were used. The main sources were egodocuments and fiction, which provide vivid imaginative evidence. In addition, archival materials, journalism and periodical press data were involved.

Results. The most relevant reasons for the attractiveness of suburbs as permanent or temporary residence, as well as for individual visits, have been identified. The categories of the population who preferred to live in the suburbs and perceived them as a place of salvation were identified. It demonstrates how political processes such as collectivization, persecution of representatives of previously privileged classes, popularization of physical culture, etc. influenced this.

Conclusion. Since pre-revolutionary times, country life has been perceived as a desirable escape from harm, vice and the crowded cities, a place of healthy recreation and entertainment, creative work. This was successfully transferred to the Soviet era, when outdoor leisure was consistently popularized, especially among workers. At the same time, new realities have made this space, a kind of buffer zone between the city and the countryside, attractive for those who wanted to hide from collectivization, certification process or religious persecution. Another important factor is the escapism of those who were in no hurry to accept the new post-revolutionary realities, because it

was the fading suburbs of the former imperial capital that could give the illusion of returning to the past.

Keywords: history of everyday life; Leningrad suburbs; history of suburbs; Peterhof; Tsarskoye Selo; Pavlovsk; escapism

Funding: The study was implemented with the financial support of the RSF, project No. 25-28-20042, <https://rscf.ru/project/25-28-20042/>, and a grant from the St. Petersburg Science Foundation No. 25-28-20042.

For citation: Sidorchuk, I.V. The Suburbs of Leningrad as a Place of Escape in the 1920s and 1930s. *Russia in the Global World*. 2025. Vol. 28. Iss. 4. P. 180–192. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.28.4.11>. EDN: GZXCSE.

© Sidorchuk, I.V., 2025. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

Крупный промышленно развитый город европейской страны начала XX в. мог как привлекать, так и отталкивать. С одной стороны, это был центр концентрации финансовых ресурсов и пространство возможностей для самореализации. С другой – наглядная иллюстрация социальных контрастов и экологических последствий индустриализации, делавших жизнь в нем не только некомфортной, но и нездоровой. Не удивительно поэтому развитие антиурбанистических настроений, затронувших в том числе и пореформенную Российскую империю [1, с. 206], которые во многом предопределили внимание к загородной жизни и экскурсиям, дачному отдыху. Послереволюционная эпоха принципиально не изменила ситуацию, но не могла не добавить новых факторов, определяющих ее развитие, учитывая властные представления о желательных направлениях социальных, экономических и культурных трансформаций. Целью настоящей статьи является раскрытие образа раннесоветского пригорода как места бегства, укрытия, спасения. Для этого была выявлена совокупность причин и особенностей подобного его восприятия представителями различных слоев населения.

Методы и источники

При проведении исследования применялись как общенаучные методы (логический, исторический, анализа, а также метод описания), так и специально-исторические. В частности, историко-сравнительный метод позволил выявить общее и повторяющееся в развитии культуры загородного отдыха на различных этапах рассматриваемого периода. Социокультурный подход применялся для изучения повседневных практик как части новой политической культуры и пространства и помог понять, как через них распространялись определенные ценности и нормы.

Выбранная проблематика предопределила обращение к методам, характерным для истории повседневности как составляющей антропологически ориентированной истории с ее акцентом «на поступках и страданиях тех, кого обычно называют “маленькими, простыми, рядовыми людьми”», изучении «душевных переживаний, воспоминаний, любви и ненависти, тревог и надежд на будущее» [2, с. 77]. Обращение к новой культурной истории позволило обратиться к символическому изображению и интерпретациям за счет расширения проблемного поля исследования.

Методологические ориентиры работы также связаны с социально-философской теорией практик (П. Бурдьё, Н. Элиас и др.), проблематизирующей идею фонового знания и его проявления в нерефлексивных рутинных повседневных взаимодействиях.

При подготовке исследования было проведено обращение к широкому спектру источников, включающих в себя архивные материалы делопроизводственного характера (нормативные и отчетные документы, протоколы, переписка государственных учреждений и общественных организаций), данные периодической печати, публицистику. Максимально привлекались эго-документы и художественная литература, которые дают массу образных свидетельств и конкретных бытовых деталей повседневного существования людей [3, с. 16].

Результаты

В предреволюционный период мощным стимулом к развитию загородных поездок и дачной культуры послужило активное распространение представлений о гигиене, важности свежего воздуха, полноценного отдыха, правильного питания, физических упражнений, профилактики нервных заболеваний [4, с. 74–110, 190–192]. В советское время эти взгляды власть стремилась распространить среди трудящихся: «Для нашего организма необходим чистый, определенного состава воздух так же, как доброкачественная пища и вода. Но широкие массы не знают, насколько важен для нас чистый воздух и какую огромную роль он играет в питании нашего организма» [5, с. 3]. В зимнее, но особенно в летнее время загородные вылазки становились одной из самых желательных форм культурно-просветительской работы [6, л. 2]. Примеры приглашалось искать непосредственно в биографии В. И. Ленина, любившего долгие велосипедные и пешие прогулки, в том числе и поездки на выходных *ins Grüne* (за город, на лоно природы) [7]. В данном случае стремление власти к оздоровлению населения вполне совпадало с желаниями трудящихся горожан – главных объектов этой политики. Как было сказано во вступлении к путеводителю по Сестрорецку 1927 г., «с наступлением весны, с началом теплых и ясных дней, каждого горожанина невольно тянет за-город на лоно природы» [8, с. 3]. То есть такая форма отдыха была вполне востребована и не нуждалась в серьезных усилиях для ее интеграции в повседневность. Проблемой скорее являлось отсутствие достаточного числа финансовых и человеческих ресурсов для качественного обеспечения этих мероприятий.

Кроме стремления к свежему воздуху поездки могли быть продиктованы желанием насладиться тишиной. Последнее было более чем актуально, учитывая шум на рабочем месте, гудки заводов, крики извозчиков, торговцев и пр. Помимо этого, таким отдыхом как купание, катание на лодках, ловля рыбы, езда на велосипеде, спортивные игры и т. п. намного легче насладиться на природе, а не в окружении улиц и многоэтажных домов.

Вторым фактором, повлиявшим на стремительное покорение загородного пространства, стал рост его транспортной доступности благодаря строительству железных дорог. Это также существенно способствовало демократизации отдыха. В раннесоветский период поезда, а в ряде случаев и электрички, достаточно успешно продолжали справляться с этой задачей. Конечно, в источниках можно встретить

претензии к качеству вагонов, переполненности вокзалов, высокой стоимости билетов, однако железнодорожное сообщение позволяло не только относительно недорого доехать в пригород, но даже жить в нем, ежедневно добираясь на работу в Ленинград. Например, в 1930 г. до Детского Села обратный билет (туда и обратно) стоил 70 коп., а поезд шел 40 мин. [9, с. 5]. Кроме этого, при должных усилиях и ресурсах, организациям удавалось добиться льготных или бесплатных билетов, заказывать специальные поезда, что дополнительно привлекало отдыхающих.

Примерно со второй половины 1930-х гг. Ленинград в летний сезон был связан с основными пригородами автобусным сообщением, что было сделано именно для удобства многочисленных масс отдыхающих [10, с. 427–428; 11, с. 404–408; 12]. Пригороды таким образом оказывались доступными локациями для отдыха, в которых при этом по возможности предоставлялось максимум условий для оздоровительного и культурного отдыха – транспорт, музеи, парки, магазины и рестораны, площадки, санатории, дачи, детские лагеря и т. д.

До революции загородные пространства связывались не только с физическим отдыхом, но и удалением от города как места концентрации различных социальных пороков. Конечно, это была иллюзия, и грешники, пусть и переехав на дачи, так ими и оставались. В частности, исследовательница О. Ю. Малинова-Тзиафета справедливо указывает, что именно дача становилась удобным местом для адюльтера, и решительный разговор Анны Каренины с Вронским о том, что ей следует оставить мужа, происходит на даче в Петергофе [4, с. 200]. В результате получалась некоторая антиномичность: пригороды являлись как альтернативой порочной городской жизни, так и удаленным местом для тайного, безнравственного и скрытого. Это напоминало положение других пространств массового отдыха на открытом воздухе – городских садов и парков, которые были не только центрами культурного времяпрепровождения, но и местами знакомства с проститутками, расцвета хулиганства и т. д. [13].

В случае загородного отдыха актуальной становилась та же проблема, с которой столкнулся Адам Козлевич в «Золотом теленке»: мечтая о воскресных поездках с приличными семьями, на практике его услугами пользовались растратчики, желавшие пьянствовать и танцевать голыми при луне. Вырвавшись из повседневной рутины, забыв про обязательства, некоторые неосознательные граждане забывали про сдержанность. В результате массовые «вылазки» часто сопровождалось пьянством отдельных энтузиастов и хулиганскими выходками: «Сплошь и рядом прекрасные по замыслу, по обстановке и по возможностям экскурсии срывались пятком или десятком буйнявших пьяниц» [14]. От этого страдали пригороды всех крупных городов [15; 16]. Дело могло доходить до суда, как в случае с пятью рабочими ленинградской мармеладной фабрики № 5, которые напились на экскурсии в Сестрорецк и устроили драку в ресторане, куда их не хотели пускать. В итоге их приговорили к принудительным работам [17].

При этом подчас именно через такие поступки выражалось желание чистой радости, «избавить мир от всяких мерзостей» [18, с. 111–112], однако понимаемое не совсем так, как того требовала власть, да еще и с причинением вреда окружающим. В конце концов, еще в пушкинские времена любители кутить мчались по Петергофской дороге в «Красный кабачок» на берегу речки Красненькой.

Любопытной была и судьба дворцовых городов (Царского Села, Гатчины и Петергофа) в период сухого закона, введенного с началом Первой мировой войны. Из-за особого статуса и подчинения Министерству императорского двора ограничения не были такими сильными, как в Петрограде, что привлекало в них скупщиков спиртного [19].

Дачная жизнь с дореволюционных времен стала прочно ассоциироваться не только с чистым воздухом, но и многочисленными развлечениями, что смогло сохраниться и в раннесоветское время, хотя возможность снимать или владеть по-настоящему комфортными дачами становилась отчетливым признаком элитарности. Например, в 1925 г. 3 комнаты с кухней и уборной во Втором Министерском доме в Петергофе за 2,5 месяца стоили гражданину Иосифу Самсоновичу Хейсину 100 руб. [20]. Можно сказать, что это сравнительно недорого, но вряд ли доступно рабочему, месячный заработок которого (если говорить о мужчинах) в этот период составлял около 40–80 руб. в месяц [21, с. 71–75]. Писатель В. Шефнер, чья семья во второй половине 1920-х гг., по его признанию, жила «бедновато», вспоминал иные дачные условия: «Мы сняли две комнаты в одной большой избе. Одну комнату заняла сестра матери тетя Вера с моей кузиной Таней и кузеном Толей, в другой поселились мы. Спали все на полу. Точнее сказать – на сенниках» [22, с. 26]. В 1930-е гг. приличные дачи, в том числе и собственные, могли себе позволить представители привилегированных слоев советского общества – чиновники, инженеры, стахановцы, видные деятели культуры и ученые [см. напр.: 23]. При этом, как подчеркивают исследователи, сохранялась «вольница» дачного существования, что, в частности было прекрасно показано в фильме 1941 г. «Сердца четырех» [24], где дача – это романтика влюбленности, прогулки, рыбалка и отдых в гамаке.

Для людей творческого труда загородная жизнь на даче могла являться и бегством от суеты города, бед, забот и тревог. Здесь можно было спокойно работать писателю, художнику или ученому [4, с. 205]. Так, М. Зощенко предпочитал жить в Сестрорецке, а на выходных даже возвращался в Ленинград, сбегая от толп приехавших на отдых горожан [25, с. 405]. Наполненную жизненным трагизмом фразу встречаем в дневниковой записи молодой О. Берггольц от 31 октября 1935 г.: «Перед абортom съезжу на несколько дней в Петергоф – буду работать. Приедет Виктор – хорошо, не приедет – не плохо» [26, с. 294]. В целом, если судить по ее дневникам, поездки за город для поэтессы – это еще и возможность осмыслить свой нелегкий путь или вспомнить моменты, когда в жизни все было хорошо [26, с. 298, 311, 426].

Отдаленность от города позволяет предположить меньшую степень контроля со стороны властей, чем могли пользоваться те, кому по каким-то причинам он был не в радость или не сулил ничего хорошего. В частности, в Новой Деревне во 2-й половине 1920-х гг. обосновалось значительное число цыган, которые не стремились откликаться на идею их прикрепления к земле и организации колхозов [27, с. 151–152]. Искусствовед Т. Чернавина (Сапожникова) впоследствии вспоминала, как один знакомый вез ее туда тайком на такси, чтобы насладиться танцами и песнями «настоящих цыган» и избежать преследования органов [28, с. 148–149].

В некоторых случаях пригороды представлялись преступникам предпочтительным местом совершения своих деяний. Например, летом 1935 г. один ленинградский рабочий решил убить свою жену во время загородной прогулки близ

Сестрорецка, полагая, что там потише, и у него больше шансов остаться непойманным [29]. В том же году в поселке Песочный сняли с работы и привлекли к ответственности мошенника, который незадолго до этого приехал и взялся бесплатно заниматься культработой, но продал пианино за 200 руб. и растратил 400 руб. [30].

Загородные местности могли служить пристанищем для различных религиозных организаций. Так, собрания баптистов проходили, в том числе, и в удаленном доме на 2-м Муринском проспекте [31]. В конце 1920-х гг. началась активная борьба с последователями основателя Общества духовных Христиан-Трезвенников Ивана Чурикова, число которых в Ленинграде составляло до 10 тыс. [32; 33], а популярностью движение пользовалось и у сознательных рабочих, что особенно тревожило власти [напр.: 34]. Их Центральный совет находился в Обухово, а трудовая коммуна – в Вырице, где Чуриков создал колонию трезвенников еще в 1905 г., также по причине нежелания власти терпеть его в городской черте.

Власти стремились показать, что секты были прибежищем противников советского строя: офицеров, урядников, торговцев, кулаков и других «бывших» людей. В 1930-е гг. возможности укрыться в пригородах для любых «враждебных» элементов последовательно сокращались. Первым мощным ударом стала паспортизация, начавшаяся в 1933 г. в Ленинграде и стокилометровой зоне вокруг него и приведшая к колоссальному оттоку населения (в массе своей бежавших от коллективизации крестьян) [35, с. 169, 172]. При этом отчеты о ходе кампании фиксируют как недостаточную интенсивность ее проведения местными ответственными органами, так и многочисленность нарушителей, успешно живших без паспортов или возвращавшихся в пригороды после высылки. Паспортный режим нарушали «даже ответственные политические работники, как например, зам. секретаря райкома ВКП(б) т. Николаев, который несколько месяцев жил в Ораниенбауме без прописки» [36].

После убийства С. М. Кирова последовала депортация «бывших» людей из Ленинграда и пригородных районов, известная как «кировский поток». Она затронула многих представителей ранее привилегированных сословий, надеявшихся избежать репрессий тихо живя за городом. Причем речь шла и о тех, кого власть до этого не трогала, как, например, бывшего сенатора Н. Г. Гарина, после революции ставшего обычным жителем Слуцка. Он оставался владельцем дома с парком, где давал уроки и сдавал жилплощадь, но весной 1935 г. был выслан в Уфу на 5 лет вместе с женой [37, с. 55–56].

В повести 1925 г. «Ленинград» М. Козырева, опубликованной только в 1991 г., загородная местность тоже во многом показана как пространство для «лишних», где можно не только скрыться, но и скрывать. Повествование начинается словами: «Недавно в психиатрической лечебнице близ станции Удельная умер странный пациент» [38, с. 5]. Речь идет о реальном доме призрения, в настоящее время известном как психиатрическая больница № 3 имени И. И. Скворцова-Степанова. Герой, боровшийся с царизмом, накануне Первой мировой войны засыпает на десятилетия, очнувшись в 1951 г. Проснувшись и погружаясь в новую жизнь, он оказывается шокирован лицемерием и жестокостью укрепившегося большевистского режима, обрекающего на преследования и бедность всех неугодных ему. Герой начинает вести революционную

работу уже против этой власти, которая оканчивается неудачей, и в результате его помещают в загородную больницу для умалишенных. Несогласного с несправедливостью, фальшью, притворством и предательством идеалов равноправия проигравшего борца отправляют туда, где он не сможет потревожить новых хозяев жизни.

Загородное пространство могло становиться прибежищем потерянных и потерявшихся, упорно отказывающихся принимать новый мир, тех, кому система готовила роль аутсайдеров и отщепенцев. Так, дворцовые пригороды стали местами бегства от абсурдности мира, где «способы, которыми достигалось коммунистическое будущее в повседневной жизни, вступали в диссонанс с исторически сложившимися ценностями человеческой жизни: индивидуализмом и разнообразием» [39, с. 64]. Устав от вынужденного принятия жестко навязываемой модели социального поведения, они пытались вернуться в прошлое, что легче сделать в увядающих, но все еще хранящих дух той эпохи пригородах. «Бывшие» воспринимали ту же дачу как прибежище для сохранения дореволюционных традиций, место, где можно восстановить привычный уклад жизни, который в первые годы существования советского города находился под серьезной угрозой [40, р. 202].

В литературе такое поведение наиболее выразительно показано К. Вагиновым на примере героев его «Козлиной песни», представителей интеллигенции, верных «теньям прошлого». Философ Тептёлкин, полный ностальгии по старым временам, снимает причудливую дачу с башней в Петергофе, символически отражающей цель людей его круга: «Собственно, идея башни была присуща всем моим героям. Это не было специфической чертой Тептёлкина. Все они охотно бы затворились в Петергофской башне» [41, с. 118].

Вывод

По замечанию И. А. Барабушки, исследовавшей вопрос развития антиурбанистических представлений, в том числе и применительно к пореформенной России, «город превосходит человека и по пространственным, и по временным характеристикам, а, следовательно, жители города в большей мере испытывают на себе воздействие, чем способны преобразовать его, человек в большей степени “получает” город, чем “создает” его» [1, с. 206]. Предположим, что это во многом относилось и к сбегавшим в пригороды. Еще с дореволюционных времен они мчались туда за здоровым воздухом, расслабляющим отдыхом, культурными, а также весьма сомнительными и предосудительными развлечениями. Одновременно пригород – это не только отдых, но место уединения, стимулирующее творческую деятельность, равно как и дающее возможность скрыться от закона и вторжения власти в жизнь, что могло привлекать как преступников, так и жертв коллективизации, паспортизации и религиозных преследований. Это также было следствием эскапизма со стороны не принимавших новые культурные, политические и, наконец, повседневные реалии, более стремительно захватывающие родину революции Петроград / Ленинград, нежели его пригороды, которые не столь быстро прощались с духом прошлого. В рассматриваемый период они отчасти были «бывшими», то есть такими же, как и некоторые из тех, кто хотел в них скрыться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барабушка И.А. Антиурбанизм в языковом сознании русских и англичан // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2011. Т. 7. № 4. С. 204–211. EDN: [UICAVD](#).
2. Людтке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник, 1998/99. М.: РОССПЭН, 1999. С. 77–100.
3. Посадская Л.А. Советская повседневность в художественных текстах (1920-е – 1990-е годы). М.: АИРО-XXI, 2013. 184 с.
4. Малинова-Тзиафета О.Ю. Из города на дачу: социокультурные факторы освоения дачного пространства вокруг Петербурга (1860–1914). СПб.: Изд-во Европейского университета в СПб, 2013. 336 с. EDN: [SJHTNJ](#).
5. Дурилин П.Н. Городские парки и здоровье человека. Материалы Центральной комиссии (по «Дню леса»). М.: Изд-во Центрального дома специалистов, 1929. 20 с.
6. Отчет о состоянии культурно-массовой работы ЛК ВЛКСМ // Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 598К. Оп. 1-2. Д. 4147. Л. 1-2.
7. Из письма В.И. Ленина к матери. 29/III 1903. Лондон // Ильич и физкультура. По переписке Владимира Ильича и воспоминаниям о нем / Сост. Еф. Добин. М.; Л.: ОГИЗ, 1931. С. 27.
8. Сестрорецк: Самообразовательная экскурсия. Серия: В помощь экскурсанту. Библиотечка самообразования под ред. Бюро самообразования К.О. ЛГСПС. Л.: «Прибой», 1927 г. 16 с.
9. Справочник для организаторов экскурсий и посетителей Детскосельских и Павловского дворцов-музеев и парков. Детское Село: [Объединение детскосельских и павловских дворцов-музеев], 1930. 22 с.
10. Весь Ленинград: адресная и справочная книга: 1933. Л.: Изд-во Леноблисполкома и Ленсовета, 1933. 1172 с.
11. Весь Ленинград: адресная и справочная книга: 1934: с прил. нового пл. Ленинграда. Л.: Изд-во Леноблисполкома и Ленсовета, 1934. 1205 с.
12. Автобусы в пригороде // Социалистический пригород. 1936. № 79(540). 5 апреля. С. 4.
13. Воробьева М.В., Рабинович Е.И. О месте идеологии в работе советских садов и парков 1920-х – начала 1930-х гг. (на примере г. Свердловска) // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2021. Т. 27. № 3. С. 101–112. <https://doi.org/10.15826/izv1.2021.27.3.060>. EDN: [ZNXNZP](#).
14. А. Р-ин. Экскурсионные базы для текстильщиков. До сих пор не разработаны меры борьбы с пьянкой // Ленинградская правда. 1928. № 110. 13 мая. С. 4.
15. Неизвестный. Без удавленника, зато – с дракой // Погонялка. 1924. № 2. 30 июня. С. 4.
16. Нижегородская коммуна. 1930. № 192(3539). 13 августа. С. 2.
17. Владимиров И. Хулиганы // Социалистический пригород. 1935. № 213(375). 16 сентября. С. 4.
18. Трэверс П. Московская экскурсия. СПб.: Лимбус Пресс, 2017. 288 с.
19. Ефимов А.А. «Полусухой» закон: особенности регулирования торговли алкоголем в дворцовых городах в период Первой мировой войны // Новейшая история России. 2019. Т. 9. № 1. С. 96–109. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.106>. EDN: [ZPBKZT](#).
20. Договор № 106 о сдаче в арендное пользование дачного помещения. 1 июля 1925 г. Между Управлением Петергофскими Дворцами-Музеями и гражданином Иосифом Самсоновичем Хейсиным // Архив Государственного музея-заповедника «Петергоф». ПДМП 5912-ар. Л. 62–62 об.
21. Мотылев В. Политическая экономия. (Лекция шестая) // Коммунистический университет на дому. 1925. № 7. С. 59–76.
22. Шефнер В. Бархатный путь. Летопись впечатлений // Звезда. 1995. № 4. С. 26–80.
23. Долгова Е.А. Дачи для академиков: практики распределения и организация пространства, 1930–1980-е гг. // Управление наукой: теория и практика. 2023. Том. 5. № 1. С. 142–166. <https://doi.org/10.19181/smt.2023.5.1.9>. EDN: [RWKOUA](#).
24. Аксельрод К.И. Подмосковная дача в советской архитектуре: на примере поселков творческой и научно-технической интеллигенции: автореферат дис. ... кандидата архитектуры. Москва, 2002. 28 с.

25. Чуковский К. Дневник. 1901–1929. Москва: Советский писатель, 1991. 541 с.
26. Берггольц О.Ф. Мой дневник. Т. 2: 1930–1941. М.: Кучково поле, 2017. 824 с.
27. Смирнова Т.М. Цыгане в Ленинграде (1920-е – 1930-е гг.): Социальное положение цыган // Библиотека цыгановедческих исследований. 2022. № 1. С. 148–167. <https://doi.org/10.24412/cl-36990-2022-1-148-167>.
28. Tchernavin T. We Soviet women. New York: Dutton & co, 1936. 304 p.
29. Владимиров И. Гнусное преступление // Социалистический пригород. 1935. № 164 (326). 20 июля. С. 4.
30. Дин И. Энтузиаст // Социалистический пригород. 1935. № 134(296). 14 июня. С. 3.
31. Лен-а. Черный фронт // Ленинградская правда. 1928. № 108. 11 мая. С. 3.
32. Иванов В.А., Колошинская Н.В. «Пьяная» Россия и судьба ее исцелителей: к 80-летию кончины основателя движения народных трезвенников И.А. Чурикова (1860–1933 гг.) // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. № 21. СПб.: Изд-во СПб ун-та, 2015. С. 119–140. EDN: [VZJTWD](#).
33. Шинкевич С.М. Политика большевиков по отношению к общинам трезвенников 1910–1932 гг. по материалам архива управляющего делами Совнаркома В.Д. Бонч-Бруевича // XXVII Сретенские чтения. Материалы Всероссийской (национальной) научно-богословской конференции с международным участием. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2021. С. 268–273. EDN: [JNDBDR](#).
34. Общественник. Воронье слетелось // Стапель. 1928. № 4. Август. С. 3.
35. Потемкина М.Н., Кузнецова И.В. Паспортизация городского населения СССР в 1930-х гг. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 4 (46). С. 167–174. EDN: [TCWCXV](#).
36. Отчет комиссии ВЦИК о выполнении постановления ЦИК и СНК СССР от 27 декабря 1932 г. и постановления СНК СССР от 28 апреля 1933 г. Об установлении единой паспортной системы и об обязательной прописке паспортов в г. Ленинграде и Ленинградской области // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-1325. Он. 141. Д. 1650. Л. 6–26. Копия. [эл. доступ]. URL: <https://docs.historyrussia.org/nodes/49281?ysclid=mf1e9913mk796226436> (дата обращения: 10.09.2025).
37. Садиков А.Н. Павловск – Слуцк между серпом и молотом. 1917–1941. СПб.: Серебряный век, 2016. 192 с.
38. Козырев М. Ленинград // Пятое путешествие Гулливера и другие повести и рассказы. М. «Текст» – «Риф». 1991. С. 3–98.
39. Барышева Е.В. Повседневный абсурд, или абсурд повседневности и политическая рациональность 1920–1930-х гг. // Вестник РГГУ, Политология. Социально-коммуникативные науки. 2014. № 1 (123). С. 57–65. EDN: [UHRMTJ](#).
40. Lovell St. Summerfolk: A history of the Dacha, 1710–2000. Ithaca and London: Cornell University Press, 2003. 260 p.
41. Вагинов К.К. Козлиная песнь // Козлиная песнь: Романы. Стихотворения и поэмы. М.: Эксмо, 2008. С. 21–170.

REFERENCES

1. Barabushka, I.A. Antiurbanism in Russian and English Language Consciousness. *Bulletin of the Leningrad State University Named after A.S. Pushkin*. 2011. Vol. 7. No. 4. P. 204–211. (In Russian). EDN: [UICAVD](#).
2. Ludtke, A. Chto takoye istoriya povsednevnosti? Yee dostizheniya i perspektivy v Germanii [What is the History of Everyday Life? Her Achievements and Prospects in Germany]. *Social History. Yearbook*. 1998/99. Moscow: ROSSPEN, 1999. P. 77–100. (In Russian).
3. Posadskaya, L.A. Sovetskaya povsednevnost v khudozhestvennykh tekstakh (1920-ye – 1990-ye gody) [Soviet Everyday Life in Literary Texts (1920s – 1990s)]. Moscow: AIRO-XXI, 2013. 184 p. (In Russian).
4. Malinova-Tziafeta, O.Yu. Iz goroda na dachu: sotsiokulturnyye faktory osvoyeniya dachnogo prostranstva vokrug Peterburga (1860–1914) [From the City to the Country: Socio-Cultural Factors of the Development of the Suburban area Around St. Petersburg (1860–1914)]. St. Petersburg:

Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2013. 336 p. (In Russian). EDN: [SJHTHJ](#).

5. Durilin, P.N. Gorodskiye parki i zdorovye cheloveka [City Parks and Human Health]. Materials of the Central Commission (on the "Day of the Forest"). Moscow: Publishing House of the Central House of Specialists, 1929. 20 p. (In Russian).
6. Otchet o sostoyanii kulturno-massovoy raboty LK VLKSM [Report on the State of Cultural and Mass Work of the KOMSOMOL]. Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg (TSGAIPD SPb). F. 598K. Op. 1-2. Inventory 4147. Fols. 1–2. (In Russian).
7. Iz pisma V.I. Lenina k materi [From V.I. Lenin's Letter to his Mother]. 29/III 1903. London. *Ilyich and Physical Education. Based on the Correspondence of Vladimir Ilyich and Memories of Him*. Comp. Ef. Dobin. Moscow; Leningrad: OGIZ, 1931. P. 27. (In Russian).
8. Sestroretsk: Samoobrazovatel'naya ekskursiya. Seriya: V pomoshch ekskursantu [Sestroretsk: Self-educational Excursion. Series: To Help a Tourist]. Library of Self-education ed. Bureau of self-education of K.O. LGSPS. Leningrad: "Proboi", 1927, 16 p. (In Russian).
9. Spravochnik dlya organizatorov ekskursiy i posetiteley Detskoselskikh i Pavlovskogo dvortsov-muzeev i parkov [Handbook for Tour Organizers and Visitors of the Detskoselsky and Pavlovsky Palaces-Museums and Parks]. Detskoye Selo: [Association of Detskoselsky and Pavlovsky palaces-museums], 1930. 22 p. (In Russian).
10. Ves Leningrad: adresnaya i spravoch'naya kniga [The Whole of Leningrad: Address and Reference Book]: 1933. Leningrad: Publishing House of the Leningrad Executive Committee and the Leningrad City Council, 1933. 1172 p. (In Russian).
11. Ves Leningrad: adresnaya i spravoch'naya kniga [The Whole of Leningrad: Address and Reference Book]: 1934: with adj. new Leningrad Square. Leningrad: Publishing House of the Leningrad Executive Committee and the Leningrad City Council, 1934. 1205 p. (In Russian).
12. Avtobusy v prigorode [Buses in the Suburbs]. *Socialist Suburb*. 1936. No. 79(540). April 5. P. 4. (In Russian).
13. Vorobyeva, M.V., Rabinovich, E.I. On the Place of Ideology in the Work of Soviet Gardens and Parks in the 1920s and Early 1930s (on the Example of Sverdlovsk). *Izvestiya Uralskogo Federal'nogo Universiteta. Series 1. Problems of Education, Science and Culture*. 2021. Vol. 27. No. 3. P. 101–112. (In Russian). <https://doi.org/10.15826/izv1.2021.27.3.060>. EDN: [ZNXNZP](#).
14. A. R-in. Ekskursionnyye bazy dlya tekstilshchikov. Do sikh por ne razrabotany mery borby s pyankoy [Excursion Bases for Textile Workers. Measures to Combat Drunkenness have not yet been Developed]. *Leningradskaya Pravda*. 1928. No. 110. May 13. P. 4. (In Russian).
15. Neizvestnyy. Bez udavleniya, zato - s drakoy [Unknown. Without a strangler, but with a fight]. *Pogonyalka*. 1924. No. 2. June 30. P. 4. (In Russian).
16. Nizhny Novgorod commune. 1930. No. 192(3539). August 13. P. 2. (In Russian).
17. Vladimirov, I. Hooligans. *Socialist Suburb*. 1935. № 213(375). September 16. p. 4. (In Russian).
18. Travers, P. Moskovskaya ekskursiya [Moscow Excursion]. St. Petersburg: Limbus Press, 2017. 288 p. (In Russian).
19. Efimov, A.A. "Semi-dry" Law: Peculiarities of Regulation of Alcohol Trade in Palace Towns During the First World War. *Modern History of Russia*. 2019. Vol. 9. No. 1. P. 96–109. (In Russian). <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.106>. EDN: [ZPBKZT](#).
20. Dogovor № 106 o sdache v arendnoye polzovaniye dachnogo pomeshcheniya. 1 iyulya 1925 g. mezhdru Upravleniyem Petergofskimi Dvortsami-Muzeymi i grazhdaninom Iosifom Samsonovichem Kheysinym [Agreement No. 106 on the Rental of Summer Cottage Premises. On July 1, 1925, between the Management of the Peterhof Palaces and Museums and citizen Joseph Samsonovich Heisin]. *Archive of the Peterhof State Museum-Reserve*. PDMP 5912-ar. Fols. 62–62 v. (In Russian).
21. Motylev, V. Politicheskaya ekonomiya. (Lektsiya shestaya) [Political Economy. (Sixth Lecture)]. *Communist University at Home*. 1925. No. 7. P. 59–76. (In Russian).
22. Shefner, V. Barkhatnyy put. Letopis vpechatleniy [The Velvet Path. Chronicle of Impressions]. *Zvezda*. 1995. No. 4. P. 26–80. (In Russian).
23. Dolgova, E.A. Dachas for Academics: Practices of Distribution and Organization of Space, 1930s–1980s. *Management of Science: Theory and Practice*. 2023. Vol. 5. No. 1. P. 142–166. (In Russian). <https://doi.org/10.19181/smt.2023.5.1.9>. EDN: [RWKOUA](#).

24. Axelrod, K.I. Podmoskovnaya dacha v sovetskoy arkhitekture: Na primere poselkov tvorcheskoy i nauchno-tekhnicheskoy intelligentsii [Suburban Cottage in Soviet Architecture: on the Example of Villages of Creative and Scientific-Technical Intelligentsia]: abstract of the dissertation of the Candidate of Architecture. Moscow, 2002. 28 p. (In Russian).
25. Chukovsky, K. Diary. 1901–1929. Moscow: Soviet Writer, 1991. 541 p. (In Russian).
26. Bergholts, O.F. Moy dnevnik [My Diary]. Vol. 2: 1930–1941. Moscow: Kuchkovo pole, 2017. 824 p. (In Russian).
27. Smirnova, T.M. Gypsies in Leningrad (1920s–1930s): The Social Status of Gypsies. *Library of Gypsy Studies*. 2022. No. 1. P. 148–167. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/cl-36990-2022-1-148-167>.
28. Tchernavin, T. We Soviet Women. New York: Dutton & co, 1936. 304 p.
29. Vladimirov, I. Gnusnoye prestupleniye [Heinous Crime]. *Socialist Suburb*. 1935. No. 164 (326). July 20. P. 4. (In Russian).
30. Dean, I. Entuziast [The Enthusiast]. *The Socialist Suburb*. 1935. No. 134(296). June 14. P. 3. (In Russian).
31. Len-a. Chernyy front [The Black Front]. *Leningradskaya Pravda*. 1928. No. 108. May 11. P. 3. (In Russian).
32. Ivanov, V.A., Koloshinskaya, N.V. “Drunken” Russia and the Fate of its Healers: on the 80th Anniversary of the Death of the Founder of the Movement of National Teetotallers I.A. Churikov (1860–1933). *Proceedings of the Historical Faculty of St. Petersburg University*. No. 21. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 2015. P. 119–140. (In Russian). EDN: [VZJTWD](#).
33. Shinkevich, S.M. Politika bolshevikov po otnosheniyu k obshchinam trezvennikov 1910–1932 gg. po materialam arkhiva upravlyayushchego delami Sovnarkoma V.D. Bonch-Bruyevicha [The Policy of the Bolsheviks Towards Teetotal Communities in 1910–1932 Based on the Archive of the Council of People’s Commissars Affairs Manager V.D. Bonch-Bruyevich]. XXVII Sretensky Readings. Materials of the All-Russian (national) Scientific and Theological Conference with international participation. Moscow: St. Filaret Orthodox Christian Institute, 2021. P. 268–273. (In Russian). EDN: [JNDBDR](#).
34. Obshchestvennik. Voronye sletelos [Sociologist. The Crows have Flocked]. *The Stocks*. 1928. No. 4. August. P. 3. (In Russian).
35. Potemkina, M.N., Kuznetsova, I.V. The certification of the urban population of the USSR in the 1930s. *Problems of History, Philology, Culture*. 2014. No. 4 (46). P. 167–174. (In Russian). EDN: [TCWCXV](#).
36. Otchet komissii VTsIK o vypolnenii postanovleniya TsIK i SNK SSSR ot 27 dekabrya 1932 g. i postanovleniya SNK SSSR ot 28 aprelya 1933 g. Ob ustanovlenii yedinoi pasportnoy sistemy i ob obyazatelnoy propiske pasportov v g. Leningrade i Leningradskoy oblasti [Report of the All-Russian Central Executive Committee Commission on the Implementation of the Resolution of the Central Executive Committee and the Council of People’s Commissars of the USSR dated December 27, 1932 and the Resolution of the Council of People’s Commissars of the USSR dated April 28, 1933 On the Establishment of a Unified Passport System and on the Mandatory Registration of Passports in Leningrad and the Leningrad Region]. *The State Archive of the Russian Federation (GARF)*. F. R-1325. Inventory 141. F. 1650. Fols. 6–26. Copy. Available at <https://docs.historyrussia.org/nodes/49281?ysclid=mf1e9913mk796226436> (accessed: 10.09.2025). (In Russian).
37. Sadikov, A.N. Pavlovsk – Slutsk mezhdru serpom i molotom [Pavlovsk – Slutsk between the Hammer and Sickle]. 1917–1941. St. Petersburg: Silver Age, 2016. 192 p. (In Russian).
38. Kozyrev, M. Leningrad. *Gulliver’s Fifth Journey and Other Novels and Short Stories*. Moscow: “Text” – “Reef”. 1991. P. 3–98. (In Russian).
39. Barysheva, E.V. Everyday Absurdity, or the Absurdity of Everyday Life and Political Rationality of the 1920s–1930s. *Bulletin of the Russian State University of Economics, Political Science. Social and Communicative Sciences*. 2014. No. 1(123). P. 57–65. (In Russian). EDN: [UHRMTJ](#).
40. Lovell St. Summerfolk: A history of the Dacha, 1710–2000. Ithaca and London: Cornell University Press, 2003. 260 p.
41. Vaginov, K.K. Kozlinaya pesn [The Goat Song]. *The Goat Song: Novels. Poems and Poems*. Moscow: Eksmo, 2008. P. 21–170. (In Russian).

Сведения об авторах / Information about authors

Сидорчук Илья Викторович – доктор исторических наук, профессор Высшей школы международных отношений Гуманитарного института; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: chubber@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9760-2443

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Sidorchuk Ilya V. – Doctor of Historical Sciences, Professor. Higher School of International Relations, Institute of Humanities; Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: chubber@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9760-2443

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 01.10.2025.

Одобрена после рецензирования 10.10.2025.

Принята 12.10.2025.

Received 01.10.2025.

Approved after reviewing 10.10.2025.

Accepted 12.10.2025.